

УДК 343

*Григорьева Людмила Викторовна кандидат юридических наук,
доцент*

*Саратовская государственная юридическая академия Россия, г.
Саратов*

Фартушнова Валерия Викторовна студент

*2 курс, Саратовская государственная юридическая академия Россия,
г. Саратов*

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ
ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ: ПОИСК СУБЪЕКТА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ (КТО ВИНОВАТ: ПРОГРАММИСТ,
ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ ИЛИ «МАШИНА»?)**

Аннотация: В статье исследуется проблема определения субъекта уголовной ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта (ИИ). В условиях расширения автономности технологий, способных к самообучению, традиционная конструкция субъекта преступления (физическое вменяемое лицо) вступает в противоречие с новыми реалиями. Автор подробно анализирует субъективные признаки состава преступления применительно к трем потенциальным субъектам: программисту (разработчику), пользователю (владельцу) и самой системе ИИ. На основе анализа российской и зарубежной доктрины, а также примеров из практики обосновывается необходимость дифференцированного подхода, учитывающего уровень автономности системы и возможность контроля со стороны человека. Делается вывод о том, что на современном этапе наиболее обоснованным является возложение ответственности на разработчика или пользователя в зависимости от ситуации, однако в перспективе, при создании сильного ИИ, возможен пересмотр законодательного подхода к субъекту преступления.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовная ответственность, субъект преступления, программист, пользователь, автономная система, вина.

Annotation: *The article examines the problem of determining the subject of criminal liability for harm caused by artificial intelligence (AI) systems. In the context of expanding the autonomy of technologies capable of self-learning, the traditional construction of the subject of crime (a sane individual) comes into conflict with new realities. The author analyzes in detail the subjective signs of a crime in relation to three potential subjects: the programmer (developer), the user (owner) and the AI system itself. Based on the analysis of Russian and foreign doctrine, as well as practical examples, the need for a differentiated approach is substantiated, taking into account the level of autonomy of the system and the possibility of human control. It is concluded that at the present stage, it is most reasonable to assign responsibility to the developer or user, depending on the situation, but in the future, when creating a strong AI, it is possible to revise the legislative approach to the subject of the crime.*

Key words: *artificial intelligence, criminal liability, subject of crime, programmer, user, autonomous system, guilt.*

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) сегодня перестали быть исключительно предметом научной фантастики. Автономные системы активно внедряются в промышленность, транспорт, медицину, финансовый сектор и бытовую сферу. Вектор развития современного общества, закрепленный в Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»¹ и Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹, прямо указывает на необходимость скорейшего разрешения правовых проблем, в том числе уголовно-правового характера, порождаемых использованием интеллектуальных систем. Цифровизация, проникая во все общественные отношения, дополняет и видоизменяет их, а законодательство должно своевременно реагировать на возникающие вызовы, предотвращая возможное противоправное поведение и, что особенно важно, определяя лицо, ответственное за причиненный такими системами вред.

В доктрине уголовного права традиционно под субъектом преступления понимается физическое лицо, совершившее запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние и способное нести за него уголовную ответственность, то есть достигшее установленного возраста и являющееся вменяемым. Однако, когда вред причиняется в результате функционирования автономной системы, обладающей способностью к самообучению и принятию решений вне заранее заданного алгоритма, возникает фундаментальный вопрос: кто именно подлежит уголовной ответственности? В научной литературе сформировались три основные позиции: ответственность программиста (разработчика), ответственность пользователя (владельца) либо признание самого ИИ потенциальным субъектом ответственности. Выбор между этими подходами предопределяет не только квалификацию конкретного деяния, но и саму возможность применения мер уголовно-правового воздействия. В связи с этим возникает необходимость детального анализа субъективных признаков состава преступления применительно к каждому из указанных субъектов, а также оценки перспектив законодательного закрепления новых подходов.

Распространение систем с искусственным интеллектом ставит вопрос о том, возможно ли признать такую систему субъектом преступления. Как

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700; 2024. – № 8. – Ст. 1102.

отмечают А.Г. Кибальник и П.В. Волосюк, в настоящее время рано говорить об искусственном интеллекте как о самостоятельном субъекте преступления, поскольку его активность связана с человеком и ему подчиняется, а потому ИИ по существу является орудием причинения уголовно значимого вреда¹. Вместе с тем, с развитием автономных систем, способных к самообучению, данная позиция требует уточнения. Рассмотрим три потенциальные модели ответственности.

Ответственность программиста (разработчика). Разработчик создает алгоритм, закладывает цели и способы их достижения. Если вред причинен в результате ошибки в программном коде, недостаточного тестирования или сознательного создания системы, способной к совершению противоправных действий, ответственность может быть возложена на разработчика. Однако сложность заключается в том, что системы машинного обучения изменяют свое поведение на основе получаемых данных. Разработчик не может предвидеть каждое возможное действие такой системы, особенно если она функционирует в условиях неопределенности. В этом случае привлечение разработчика к уголовной ответственности за вред, причиненный в результате самостоятельного «решения» ИИ, может противоречить принципу вины (ст. 5 УК РФ), поскольку отсутствует его субъективное отношение к конкретному последствию.

Ответственность пользователя (владельца). Владелец системы, использующий ее в своей деятельности, обязан обеспечить безопасное функционирование. В случае причинения вреда автономным устройством, если пользователь не осуществил надлежащий контроль, нарушил правила эксплуатации или не принял меры по предотвращению вреда, его поведение может быть квалифицировано как неосторожное преступление. В литературе обосновывается введение «надзорной обязанности» владельца по

¹ См.: Кибальник А. Г., Волосюк П. В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 44. С. 177.

осуществлению контроля над ИИ «во избежание риска вреда, даже если действие не было предсказуемым для оператора». Такой подход уже реализован в некоторых зарубежных правовых порядках в отношении беспилотных транспортных средств, где ответственность возлагается на владельца, если он не вмешался в управление при возникновении критической ситуации. Однако, если система обладает высокой степенью автономности и пользователь лишен возможности реального контроля, возложение на него уголовной ответственности становится проблематичным.

Ответственность самого искусственного интеллекта. Признание ИИ субъектом преступления потребовало бы радикального пересмотра основополагающих принципов уголовного права. Субъект должен обладать способностью осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (вменяемостью) и достигать установленного возраста. Современные системы ИИ, даже обладающие элементами самообучения, не обладают сознанием в человеческом понимании, не способны к формированию вины, мотива и цели. Как справедливо указывает И.Н. Мосечкин, «деятельность, осуществляемая полностью или частично искусственным интеллектом, объективно может представлять общественную опасность и причинять вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом»¹. Но может ли он осознавать общественную опасность своих действий? В настоящий момент можно ответить, что нет. В то же время, если в будущем будет создан так называемый «сильный» искусственный интеллект, обладающий самосознанием и автономной волей, вопрос о признании его субъектом права, включая уголовную ответственность, может быть поставлен. Однако на сегодняшний день это остается областью научных прогнозов.

¹ Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2019. № 3. С. 465.

Характеристика субъекта преступления неотъемлема от оценки его психической деятельности, непосредственно связанной с совершением преступления. Определение вины и ее формы в действиях субъекта будет способствовать грамотному решению проблемы.

Применительно к программисту и пользователю вина может быть установлена по общим правилам. Умысел будет иметь место, если разработчик сознательно создал программу для совершения противоправных действий (например, вредоносное программное обеспечение). Неосторожность – если он не предвидел возможность наступления общественно опасных последствий, хотя при надлежащей внимательности и предусмотрительности должен был и мог их предвидеть (легкомыслие или небрежность).

В отношении самого ИИ установить вину невозможно, поскольку она представляет собой психическое отношение, которого у машины нет. Даже когда система «принимает решение», приводящее к вреду, это решение является результатом математической обработки данных, а не проявлением психического отношения. Иллюстрацией служит случай с беспилотным автомобилем Uber в 2018 году, когда система не распознала пешехода и совершила наезд со смертельным исходом. Местная полиция установила, что женщина внезапно вышла на проезжую часть в неполюженном месте. Следствие пришло к выводу, что система не желала наступления последствий и не могла их предвидеть в силу недоработки в алгоритме, однако при надлежащем обучении могла бы их предотвратить. Машина не смогла точно определить, что за объект на пути и не смогла точно рассчитать время до столкновения. Так, оператор был привлечен к ответственности за то, что не доработал алгоритмы, а водитель привлечен за то, что не следил за дорогой.

Особую сложность представляет ситуация, когда система с самообучением вырабатывает модель поведения, приводящую к вреду, независимо от действий разработчика и пользователя. В этом случае, как отмечает И.Н. Мосечкин, «программа самостоятельно принимает

неправильное решение, основное содержание вины в таком случае следует относить на нее, а не на других лиц»¹. Однако, поскольку уголовный закон не допускает привлечения к ответственности неодушевленных объектов, данная позиция пока может быть реализована только путем реформирования законодательства.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что на современном этапе развития технологий искусственного интеллекта наиболее обоснованной является дифференцированная модель ответственности. В тех случаях, когда вред причинен из-за недостатков, заложенных на этапе проектирования или программирования, ответственность должен нести разработчик. Если же вред наступил вследствие ненадлежащей эксплуатации системы, отсутствия контроля или нарушения правил безопасности со стороны владельца, ответственность возлагается на пользователя. Признание самого ИИ субъектом преступления на сегодняшний день невозможно в силу отсутствия у него признаков субъекта, предусмотренных уголовным законом (физическое лицо, вменяемость, возраст), а также невозможности установления вины, мотива и цели.

Вместе с тем, по мере совершенствования автономных систем и приближения к созданию сильного искусственного интеллекта, законодателю потребуется пересмотреть традиционные подходы. Возможно, будущее уголовное право будет оперировать понятием «электронное лицо» или иной конструкцией, позволяющей привлекать ИИ к ответственности (например, путем конфискации, отключения, перепрограммирования или введения особых имущественных санкций). Однако на данном этапе целесообразно сосредоточиться на совершенствовании правового регулирования в части фиксации обязанностей разработчиков и пользователей, а также разработке четких критериев разграничения их ответственности. Законодательное

¹ Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2019. № 3. С. 468.

закрепление термина «искусственный интеллект» в уголовном законе без решения вопроса о субъекте ответственности представляется преждевременным, тогда как уточнение норм о преступлениях в сфере компьютерной информации и безопасности движения с учетом автономности систем является актуальной задачей.

Использованные источники:

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.
2. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700; 2024. – № 8. – Ст. 1102.
3. Даниленко Ю. А. Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. № 4. С. 232–240.
4. Ерахтина Е. А., Тирранен В. А. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: проблемы квалификации и расследования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2 (35). С. 36–41.
5. Карташов И. И., Карташов И. И. Искусственный интеллект как субъект уголовной ответственности: настоящее и перспективы // Право: история и современность. 2021. № 2(15). С. 68–78.
6. Кибальник А. Г., Волосюк П. В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 44. С. 173–178.
7. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2019. № 3. С. 461–476.
8. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования: монография. Киров: Вятский государственный университет, 2020. 111 с.
9. Скляр С. В., Евдокимов К. Н. Современные подходы к определению понятия, структуры и сущности компьютерной преступности в

Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. № 2. С. 322–330.